

10 20
1871

МИНСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

14 Января 1872 года.

Подписная цѣна: безъ пересылки и доставки 4 рубля 40 копѣекъ; съ пересылкою и доставкою 5 руб. сер.

№ 2.

Выходятъ еженедѣльно. Подписка принимается въ Редакціи Минскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей въ Минскѣ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ЧАСТЬ ОФИЦІАЛЬНАЯ: Мѣстные распоряженія.—Мѣстные известія.

ЧАСТЬ НЕОФИЦІАЛЬНАЯ: Епархіальная хроника.—Слово въ день Нового года.—Лекція, общественной гигиены и діететики (продолженіе).

Часть официальная.

МѢСТНЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Служебныя перемѣны.

Минскаго уѣзда, Тоново-Слободской цер. священникъ Осодоръ Вѣляевъ назначенъ законоучителемъ Деревенскаго и Наливокскаго училищъ Опшанскаго уѣзда, вилен. губ.—Священ. Локтышевской церкви, слудц. у., Петръ Квятковскій, перемѣненъ, по прошенію, къ Морочской церк., того же уѣзда, съ 15 января.—Священникъ Вавелевской церкви, новгородскаго уѣзда, Ѡаддей Сцепуржинскій, по старости, оставленъ за штатомъ, а на его мѣсто перемѣненъ, по прошенію священникъ Сулятичской церкви, того же у., Александръ Антониювскій, оба съ 1 будущаго февраля.—Пономарь Бучатинской церкви, слудскаго у., Михайль Молчановичъ опредѣленъ и. дол. псаломщика къ Островокской церкви, новгородск. у., съ 1 января.—Уволенный изъ минск. духовнаго училища Иванъ Сулковскій помѣщенъ на испытаніе въ Минскій Свято-Духовъ монастырь.—И. д. псаломщиковъ: Лаховской церкви, моз. у., Григорій Жу-

ковскій и Житковичской—того же у., Кирилль Рудаковскій, перемѣнены одни на мѣсто другаго, съ 1 января.—Штабъ-офицерскій сынъ Петръ Николаевъ Великій принятъ послушникомъ Минскаго Свято-Духова монастыря.—Удалены отъ должности: и. д. псаломщика Малковичской церкви, пинскаго уѣзда, Михайль Мицкевичъ за буйство, дерскій и беспокойный характеръ, съ 15 января, и. д. псаломщика Мохренской церкви, того же у., Иванъ Юрашкевичъ за нетрезвость и подозрѣніе въ кражѣ.—Утверждены приходскія попечительства: 1) при Автютевичской цер., рѣч. уѣзд. Предсѣдатель священникъ Гаврилль Турцевичъ и члены—крестьяне: Григорій Вуценка, Осипъ Шемалка, Власъ Стомъ, Сидоръ Стомъ, Григорій Заранка, Евстафій Дулубъ, Каленикъ Малашенко и Моисей Гарастъ; 2) При Домаповичской церкви: предсѣдатель священ. Евфимій Ждановичъ и члены—крестьяне: На кратъ Ивановъ, Дмитрій Климовъ, Филиппъ Ивановъ, Самуиль Павловъ, Мина Романовъ, Иванъ Самойловъ, и Николай Леоновъ; 3) при Рудобѣлковской церкви, бобр. уѣзда: предсѣдатель священникъ Михайль Рункевичъ и члены—крестьяне: Петръ Губанскій, Леонтій Жанко, Сидоръ Роговичъ и Иванъ Пигулевскій.—Утверждены въ должности церковныхъ старостъ: къ Автютевичской церкви—крест. Евтихій Радко, къ Доминовичской—крест. Андрей Никифоровъ и къ Глусской Богоявленской—мѣщанинъ Иванъ Разноревичъ.

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ИЗВѢСТІЯ

Священнику Лѣшницкой церкви, игуменскаго у., Михаилу **Ворзаковскому**, успѣвшему пастырскими внушеніями расположить своихъ прихожанъ къ пожертвованію 307 руб. на колоколь и утварныя вещи, изъявлена благодарность за ревностную заботливость о благолѣпіи храма.

Борисовскаго уѣзда, Волосовичской церкви священникъ **Феофилъ Богдановскій** за хорошее поведение и отлично-усердное исполненіе пастырскихъ обязанностей, 13 января, награжденъ набедренникомъ.

Прихожанами Любоничской церкви, бобруйскаго уѣзда, пожертвовано на починку приписной на Дѣвичь-Горѣ церкви и приобрѣтеніе въ оную утвари 250 рублей.

Прихожане Лавришевской церкви, новогрудскаго уѣзда, крестьяне деревни Лычиць, пожертвовали на устройство въ сей деревнѣ новой кладбищенской церкви 600 руб.

Прихожанами Эсьмонской церкви, борисовскаго уѣзда, крестьянами деревни Зазѣрья, пожертвовано на постройку кладбищенской церкви 375 р. 75 к.

Прихожанинъ Туровской Ильинской церкви, мозырскаго уѣзда, крестьянинъ деревни Любавичъ, **Никита Мальцевичъ**, пожертвовалъ въ Оздамичскую церковь, тогоже уѣзда, икону Святителя Николая съ лампадою къ оной, стоимостью въ 34 р. 50 коп.

Починка Колбчанской церкви, игуменскаго у., обошлась прихожанамъ въ 297 р. и 60 к.; кромѣ сего они пожертвовали 293 копы гонты и 30 шт. сосноваго дерева.

Прихожанами Лешницкой церкви, игуменскаго уѣзда, по внушенію священника оной, Михаила **Ворзаковскаго**, пожертвованы въ приходскую церковь: колоколь стоимостью 124 руб. а также различныхъ и утварныхъ вещей на 183 руб., всего на сумму 307 руб.

Праздныя мѣста: священническія—при **Люденевицкой** церкви, мозырскаго уѣзда, съ 23 ноября; при **Обровской**—пинскаго у., съ 1 декабря; при **Лактышевической**—случкаго у., съ 15 января, и при **Сулятчицкой**—новогрудскаго уѣзда, съ 1 будущаго февраля. Псаломщицкое—при **Любешевской** д., пинскаго уѣзда, съ 1 января.

Часть неофициальная.

ЕПАРХІАЛЬНАЯ ХРОНИКА.

Съ 10 по 12 января, въ зданіи минскаго училища, происходилъ очередной съѣздъ депутатовъ минскаго духовно-училищнаго округа. Главнымъ предметомъ занятій съѣзда было—присканіе дома для покупки подъ помѣщеніе училища, такъ какъ монастырскій домъ, въ которомъ временно помѣщается училище, кромѣ невѣстительности, неудобенъ для училища преимущественно въ гигиеническомъ отношеніи.

СЛОВО

произнесенное Преосвященнѣйшимъ **Александромъ**, Епископомъ Минскимъ и бобруйскимъ, въ день **Новаго 1872 года.**

Блудите, како опасно ходите, не якоже не мудри, но якоже премудри: искупующе время, яко дніе лукави суть (Ефес. V, 15. 16).

Современное направленіе образованнаго общества внушаетъ постоянно всѣмъ стараться объ образованіи себя, объ освобожденіи изъ тѣмъ невѣжества цѣлыхъ миллионъ народа, внушаетъ дѣлаться мудрыми. Тоже направленіе непрестанно убѣждаетъ каждого благоразумно пользоваться временемъ, не тратить его попусту, а дорожить, проводить въ трудѣ, а не въ праздности.—Вполнѣ умѣстно посему въ настоящій день, когда празднуемъ начало новаго года, когда неволью пробуждается въ душѣ нашей мысль о времени,—мысль, часто дремлющая и засыпающая въ теченіи цѣлаго года, умѣстно, говорю, повторить вышесказанный совѣтъ св. апостола Павла къ Ефесскимъ, а въ лицѣ ихъ и всѣмъ христіанамъ.

Слова Апостола показываютъ, что нынѣшнее направленіе — не новое. Оно извѣстно было при самомъ появленіи христіанской вѣры и изъ нея то, какъ изъ чистаго и обильнаго источника, главнымъ образомъ и нынѣ проистекаетъ,—а потому нисколько не противно исповѣдуемой нами религіи, по своему началу, по сущности дѣла. Но какъ изъ одного источника вытекаетъ нѣсколько ручьевъ, которые, расходясь въ разные стороны и смѣшиваясь съ разными веществами, не всѣ бывають одинаково чисты и полезны: такъ и изъ однихъ и тѣхъ же началъ развивающіяся понятія не всѣ одинаково вѣрны. Общее стремленіе нынѣ къ образованію, къ благоразумному употреб-

ленію времени—само по себѣ дѣло прекрасное, не только одобряемое, но и заповѣдуемое христіанскою религіею.—Къ сожалѣнію только, большая часть новѣйшихъ проповѣдниковъ образованности и цѣнности времени часто расходится съ Словомъ Божиимъ во взглядахъ на причины, по которымъ необходима для человѣка забота объ образованіи, о провозвѣщеніи времени не напрасно, не въ праздности. По ученію новѣйшей мудрости или лучше сѹмудрія, вся цѣль образованности и постоянного труда сосредоточивается въ приобрѣтеніи житейскихъ выгодъ, ограничивается благосостояніемъ въ земной жизни. Не тѣ причины представляетъ св. Апостоль. Совѣтъ его направленъ не столько къ приобрѣтенію временныхъ благъ, сколько къ достиженію вѣчной—блаженной жизни, чрезъ благоразумное употребленіе времени. «Смотрите, говоритъ Учитель языковъ,—какъ можно вѣрнѣе поступайте,—ведите жизнь, не какъ неразумные, но какъ мудрые, просвѣщенные свѣтомъ христіанскаго ученія, умѣя пользоваться временемъ». Указывая на время, какъ на необходимое условіе для блага нашей настоящей жизни и приготовленія къ вѣчности, св. Апостоль заповѣдуетъ не тратить его по напрасу—въ пустыхъ занятіяхъ, но дорожить имъ. Причина, почему такъ должно поступать, высказывается въ дальнѣйшихъ его словахъ: *яко дніе лукави суть*,—причина, очевидно, отличная отъ тѣхъ побужденій, какія представляетъ современная образованность для умѣнья пользоваться временемъ.

Чтобы видѣть, какъ дѣйствительно и сильно побужденіе Апостола къ мудрому употребленію времени,—и какъ съ другой стороны шатка и не надежна—внушаемая современными мыслителями побудительная причина къ тому же, остановимся, бр., на мысли Апостола, выражающей необходимость *искупать время, —на лукавствѣ дней!* Особенно стоитъ помыслить объ этомъ въ настоящій день, когда живѣе представляются потери и утраты сердечныя, понесенныя нами въ истекшемъ году, успѣхи и не успѣхи нашихъ предпріятій, радости и печали стараго года,—когда невольно явлются въ насъ и новыя желанія, новыя надежды, неясныя, неопрѣдѣленныя ожиданія въ новомъ году чего то лучшаго.

Въ чемъ же состоитъ лукавство дней нашей жизни? Дни, конечно, въ собственномъ смыслѣ не могутъ назваться лукавыми, такъ какъ сами по себѣ они ни добры, ни злы. Но по отношенію къ человѣку они могутъ быть и бывають злыми. Такъ дни наши лукавы по своей скоротечности, по своей какъ бы обманчивости, не извѣстности.

Въ самомъ дѣлѣ, если обратимъ внимательный взоръ на продолжительность дней нашихъ, если сравнимъ долготу человѣческой жизни съ нашими надеждами, съ нашими намѣреніями, съ нашими обязанностями, и наконецъ съ вѣчностію; то увидимъ, что земная жизнь наша, какъ бы долго ни

продолжалась, всегда будетъ весьма и весьма кратковременна. Такъ, жизнь наша кратка въ сравненіи съ нашими надеждами. Почти все мы льстимся достигнуть старости. Напрасно слабость тѣлосложенія, недолговѣчность предковъ, частыя болѣзни, внезапная смерть другихъ близкихъ, напрасно напоминають намъ, что скорѣе можно ожидать смерти на срединѣ поприща, чѣмъ въ концѣ онаго; мы мало внимаемъ такому напоминанію и надѣемся на долгій вѣкъ, какъ на долгъ природы. Когда же немощи возвѣщаютъ человѣку о близкой смерти, онъ приходитъ въ изумленіе, въ ропотъ и нерѣдко въ отчаяніе. Такъ льстивы, обманчивы надежды наши на долготѣе. Обратимъ взоры и на явленія, совершающіяся на нашихъ глазахъ. Всегда ли видимъ кончину однихъ старцевъ? Не чаще ли непредвидѣнный случай, или эпидемическая болѣзнь, какая въ истекшемъ году посѣтила все почти области Россіи, повергають въ могилу людей—въ цвѣтѣ лѣтъ и крѣпости силъ? Рѣдка ли вещь—смерть юношей? Сколько дѣтей, которыя едва открываютъ глаза для свѣта и рождаются только для того, чтобъ умереть сей-часъ же? Смерть не дѣлаетъ различія въ выборѣ жертвъ своихъ; она не ожидаетъ времени, не знаетъ преимуществъ. Часто—человѣкъ предполагаетъ еще много лѣтъ наслаждаться жизнью, но вдругъ среди удовольствій прекращается жизнь его. Такъ кратки, такъ неизвѣстны, такъ обманчивы дни нашей жизни! Что же сказать о нихъ по отношенію къ нашимъ намѣреніямъ, планамъ, предпріятіямъ? Достаточно ли жизни нашей для исполненія не только всѣхъ нашихъ предположеній, но даже нѣкоторыхъ? Нѣтъ, если бы мы достигли и до самаго крайняго предѣла, назначеннаго человѣческой природѣ; то и тогда не имѣли бы довольно времени для удовлетворенія всѣхъ нашихъ желаній?—Замыслы честолюбія, предпріятія корыстолюбія, планы разсѣянности слѣдуютъ непрерывно одни за другими,—истощаютъ наши силы, наши способности, нашу жизнь. Заботы насъ терзають, а желанія не удовлетворяются.—Не удовлетворяя нашимъ желаніямъ, обманывая въ надеждахъ, скоропроходящее время земной жизни нашей еще менѣе можетъ удовлетворить стремленіямъ безсмертнаго духа, предназначеннаго къ вѣчности. Время дано намъ для приготовленія къ будущей блаженной жизни. Достаточно ли же краткихъ дней этой жизни для исполненія всѣхъ тѣхъ обязанностей, которыя необходимы для вступленія въ царство славы и соединенія съ Богомъ? Какъ мала и кратка въ семъ отношеніи самая продолжительная, жизнь человѣка, хотя бы вся она была употреблена на дѣла благія, на дѣла благочестія. Что значить и весь вѣкъ нашъ въ сравненіи съ вѣчностію!

Подъ лукавствомъ дней разумѣются и тѣ бѣдствія, коимъ подвержена наша жизнь. *Дніе наши лукави* потому, что они исполнены горестей, опасностей, трудностей и несчастій. *Малы и злы быша дніе,*

лтѣ житія моего (Быт. 47, 9), говорилъ 130-ти лѣтній патриархъ Іаковъ Фараону, испытавшій множество скорбей и утратъ. Малы и злы дни и каждаго изъ насъ. Проходить ли и одинъ годъ безъ того, чтобы мы не чувствовали какой нибудь потери и скорби, не ощущали мучительной пустоты въ душѣ, томительной скуки въ сердцѣ. Гдѣ тѣ счастливыя, которые могли бы сказать: «мы всеѣмъ довольны; все наши намѣренія исполнены, желанія удовлетворены; блаженство наше полное, не требуемъ ничего большаго»?—Съ плачемъ являемся мы въ міръ; грусть и печаль сопутствуютъ намъ въ жизни; скорбь и боль душевная сопровождаютъ насъ въ могилу. Ограниченный умъ нашъ не можетъ усмотрѣть истины,—и мы невольно подвергаемся заблужденіямъ; страсти мучатъ насъ и влекутъ къ порокамъ. Добродѣтель подвержена опасностямъ, борьбѣ, слѣдствіемъ чего бываютъ частыя паденія. Тѣла наши слабы; изнуреніе и болѣзни — необходимый удѣлъ ихъ. Самыя лучшія привязанности наши—семейныя, родственныя и дружественныя, доставляя намъ съ одной стороны нѣкоторую сладость и утѣшеніе, съ другой умножаютъ наши бѣдствія; потому что горести и несчастія близкихъ намъ поражаютъ и насъ. Нѣтъ ничего постоянного въ этомъ мірѣ; все измѣнчиво. Имущество человѣка, степень его достоинства, положеніе и уваженіе въ обществѣ, состояніе души и тѣла—все подвержено превратности.

Наконецъ дни наши могутъ назваться лукавыми и по отношенію къ вѣку, въ которомъ живемъ, по отношенію къ обычаямъ времени, къ условіямъ такъ называемаго свѣта. Мы живемъ въ мірѣ, полномъ страстей и пороковъ; на каждомъ шагѣ встрѣчаемъ соблазны, искушенія и заблужденія; окружены безнравственными обычаями; постоянно видимъ дурныя заразные примѣры испорченности человѣческаго сердца. При такомъ порядкѣ вещей сколько нужно усилій, сколько бдительности и энергии, чтобы предохранить себя отъ обыкновенныхъ пороковъ, почти освященныхъ вѣкомъ и всеобщимъ употребленіемъ! Сколько трудностей предстоитъ человѣку, чтобы удержатъ въ себѣ порывы страстей, удовлетвореніе которымъ считается нынѣ не только дозволеннымъ, но какъ будто даже законнымъ по самой природѣ; сколько требуется заботливости, духовнаго мужества и бодрствованія надъ собою, чтобы сохранить въ сердцѣ своемъ чистоту и непорочность. Какъ часто человѣкъ при всемъ стремленіи къ добру, при всемъ желаніи быть чистымъ и праведнымъ предъ Богомъ, не можетъ устоять противъ соблазнительныхъ обычаевъ вѣка и увлекается потокомъ времени, т. е. порочными нравами. И сколько такихъ несчастныхъ, которые, сообразуясь вѣку сему, унижаютъ и оскверняютъ душу безнравственными дѣлами. Потому то Апостоль и говорилъ христіанамъ: *несообразуйтесь вѣку сему, но преобразуйтесь обновленіемъ ума ваше-*

ю (Рим. 12, 2), т. е., не подражайте безнравственнымъ обычаямъ настоящаго вѣка, а преобразуйтесь, старайтесь быть новыми по духу своему, преобразуйтесь нравственно—чистотою и непорочностію, обновляйте, украшайте жизнь свою христіанскими добродѣтелями.

Братіе! Зная такое лукавство дней нашей жизни, какъ же мы должны встрѣчать новый годъ, — въ пирушкахъ ли и разныхъ увеселеніяхъ, неприличныхъ не только въ преддверіи праздника, но и всегда? Нѣтъ, мы должны встрѣчать каждый новый годъ съ усердною горячею молитвою къ Богу, молитвою благодарственною за прожитое нами время, молитвою просительною, чтобы Господь и въ будущее новое лѣто жизни хранилъ насъ, обпсвлялъ нашъ духъ и укрѣплялъ наши силы. По заповѣди Апостола, мы необходимо должны искуповать время, т. е., употреблять оное на дѣла благія; должны выкупать его отъ порочнаго міра, отъ суетныхъ удовольствій, а не тратить на такія блага, которыя не стоятъ времени, назначеннаго для приготовленія къ вѣчности.

Братіе! дни наши кратки,—но ими покупается цѣлая вѣчность; дни наши злы, но въ нихъ пріобрѣтается нескончаемое блаженство. Ужели же лучше для насъ промѣнять за мгновеніе цѣлую вѣчность? Ужели не можемъ пожертвовать минутною сладостію грѣха, для обѣщанныхъ намъ вѣчныхъ благъ?

Благодатію Своею Господь да благословитъ новое лѣто и поможетъ намъ проводить дальнѣйшіе дни нашей жизни во всякомъ благочестіи, въ совершенствованіи духовномъ, христіанскомъ. **Аминь.**

Л Е К Ц І Я

**ОБЩЕСТВЕННОЙ ГИГИЕНЫ И ДІЕТЕТИКИ,
ЧИТАННАЯ ВЪ МИНСКОЙ СЕМИНАРІИ ШТАТ-
НЫМЪ ВРАЧЕМЪ ОНОЙ, ДОКТОРОМЪ АРХАН-
ГЕЛЬСКИМЪ.**

Лекція одинадцатая.

(Продолженіе).

Стремленіе человека къ жизни. Живя—всякій хочетъ жить; но каждый-ли понимаетъ хорошо цѣль своей жизни? Если животное живетъ, по желанію природы, то нельзя сказать того же о человѣкѣ, у котораго цѣль жизни должна быть опредѣленная; ибо онъ самъ долженъ изыскивать себѣ средства къ существованію и заботиться о своемъ духовномъ видоизмѣненіи. Вслѣдствіе чего, цѣль въ жизни человѣка является сердцевиной его достоинства и счастья, и — въ достиженіи имъ этихъ атрибутовъ, она опредѣляется трудомъ.

Еще древніе трудъ считали наслажденіемъ. Такъ,

Бантъ въ своей антропологіи говорить, что «самое счастье нашей жизни измѣряется тѣмъ дѣломъ, которое мы дѣлаемъ». И, дѣйствительно, лишившись труда, человѣкъ томится отъ скуки и нерѣдко даже поднимаетъ на себя руки — прибѣгаетъ къ самоубійству.

Но трудъ не только составляетъ наслажденіе для человѣка, — нѣтъ, онъ даже обязательно необходимъ для него. Чтобы доказать справедливость этого, никакой не нужно философіи, — нуженъ только простой здравый смыслъ, а именно: получивъ существованіе, по естественному закону самосохраненія, мы стараемся его сберечь. А для этого нужны матеріальныя средства. Средствами же, готовыми и запасенными, обладаетъ не всякій. Желаніе снабдить себя ими мало того, что законно: оно необходимо; безъ него не было бы цивилизаціи, человѣкъ находился бы на ступени животнаго, и прекратилась бы самая жизнь. По этому то общественное устройство, гдѣ это желаніе встрѣчаетъ какія бы то ни было препятствія своему осуществленію, т. е. гдѣ затруднено добываніе средствъ къ существованію по мѣрѣ дарованій, развитія трудолюбія и дѣйствительныхъ усилій — есть неправильное общественное устройство. Стало быть, идеаль въ этомъ отношеніи тотъ, чтобъ каждый былъ въ состояніи безпрепятственно получать своею работою соразмѣрно своимъ достоинствамъ, прилежанію и труду; а слѣдовательно, вся жизнь человѣческая должна заключаться въ стремленіи къ свободному, излюбленному труду и быть предотвращеніемъ всячески отъ тунеядства и дармоедства, представители которыхъ мечтаютъ о правомѣрномъ распредѣленіи народнаго богатства и объ обѣтованной землѣ. Вотъ какъ сказалъ объ этомъ намъ русскій писатель И. С. Тургеневъ: «жизнь не шутка, и не игра; жизнь не наслажденіе; жизнь тяжелая работа». Тоже самое повторилъ въ слѣдъ за нимъ славянскій писатель Захеръ-Мазохъ: «тайна жизни въ томъ, что всякій хочетъ жить на счетъ другаго, тогда какъ всякій долженъ жить самимъ собою, своею работою. Одна работа избавляетъ насъ отъ скверны. Не объ осуществленіи своихъ идеаловъ, объ исполненіи своего долга обязанъ заботиться человѣкъ».

Но трудъ имѣетъ свою физиологію. Вотъ что говорятъ опытные люди: трудъ безъ трудностей не трудъ, и — онъ тогда не удовлетворяетъ стремленій души къ труду. Ища труда и отвращаясь отъ трудности труда, значило бы искать невозможнаго. И, дѣйствительно, какого человѣка въ обществѣ называютъ дѣятельнымъ? — Не того ли, который преодолеваетъ тѣ или другія препятствія для достиженія той или другой цѣли? И если бы все совершалось по желанію человѣка, въ то мгновеніе, какъ желаніе рождается, безъ всякихъ со стороны его условій, то нельзя бы было назвать такого человѣка дѣятельнымъ. И это совершенно справедли-

во. Ибо безъ препятствій и самой дѣятельности, не было бы. Отсюда произошло слѣдующее правило: существованіе препятствій есть необходимое условіе существованія дѣятельности — такого условія, безъ котораго сама дѣятельность была бы невозможна. Но можетъ ли человѣкъ радоваться препятствіямъ и любить ихъ? Конечно, нѣтъ. Препятствіе останавливаетъ дѣятельность, къ которой онъ стремится. Поэтому-то человѣкъ радуется, когда стремленіе его удовлетворяется, хотя, какъ мы выше показали, нельзя любить труда, не любя трудности труда. Но много ли найдется такихъ людей, которые бы стремились къ дѣятельности, вполне примирившись съ ихъ отвращеніемъ отъ препятствій? Такихъ исключительныхъ личностей встрѣчается, къ сожалѣнію, немного, — да и тѣхъ, по свойству занимающей ихъ идеи — сплошь до рядомъ, называютъ безумцами, а по успѣху ихъ дѣла — гениями. Оттого-то, большею частію, люди допускаютъ хотя болѣе или менѣе и полное, болѣе или менѣе продолжительное, но частное примиреніе души съ ея стремленіемъ къ труду и съ отвращеніемъ отъ его трудности. Въ остальной же жизни человѣкъ иногда, волею не волею, осуждается на бездѣйствіе и лѣнь, тѣсно связанную съ ожирѣніемъ его тѣла. Такъ, въ малообразованныхъ классахъ народа, гдѣ душа не создала себѣ обширной сферы дѣятельности, ожирѣніе идетъ почти вмѣстѣ съ развитіемъ лѣнкости, такъ что за жирѣть и сдѣлаться лѣнливимъ у крестьянъ и у купцовъ значитъ почти одно и то же, и — это совершенно вѣрно: разбогатѣвшій крестьянинъ или купецъ быстро толстѣетъ потому, что дѣятельность его здороваго тѣла вдругъ прекращается съ приостановленіемъ потребности труда, а продолжающія обильно вырабатываться силы, за неимѣніемъ ихъ траты на умственную жизнь, идутъ на развитіе тѣла, при чемъ трудно уже становится человѣку извлекать изъ разросшихся органическихъ процессовъ силы, и — онъ становится лѣнливимъ. Такимъ образомъ, лѣнь къ труду способствуетъ за жирѣнію человѣка, а за жирѣніе, въ свою очередь, способствуетъ лѣни. Но, кромѣ за жирѣнія, есть еще одна очень важная физическая причина, располагающая человѣка къ лѣни — это съ чрезмѣрною силою совершающіеся въ организмѣ процессы, напр. процессы роста и развитія послѣдняго. Въ это время, трудно душѣ направлять физическія силы къ избраннымъ ею душевнымъ работамъ. Вотъ почему иногда прилежное дитя вдругъ становится лѣнливимъ. И, дѣйствительно, это именно случается въ то время, когда развитіе тѣла дитяти сначала замедляется, но потомъ оно вдругъ идетъ опять быстро. Въ эти періоды дѣтства, дитя не только выказываетъ лѣность, которой прежде въ немъ не замѣчалось, но — и склонность къ шалостямъ, что одно другому не противорѣчитъ; ибо шалости происходятъ не отъ стремленія души къ

дѣятельности, но отъ избытка вырабатываемыхъ силъ, которыя, уже по самому требованію природы, должны идти на развитіе мускуловъ, а для этого имъ движеніе необходимо.

Между физическими причинами лѣни надо упомянуть еще о пріятныхъ тѣлесныхъ ощущеніяхъ всякаго рода, каковы напр. лакомства, о слабости организма и сытомъ обѣдѣ. Слабость организма можетъ зависѣть, съ одной стороны, отъ его недостаточнаго физическаго развитія, а съ другой—отъ истощенія какою-нибудь продолжительною болѣзнію. Въ томъ и другомъ случаѣ трудно приходится человѣку отнимать часть силъ у физическихъ процессовъ для душевной дѣятельности. Также затрудненіе для участія физическихъ силъ въ душевныхъ отправленіяхъ встрѣчается и вслѣдствіе сытаго обѣда; ибо извѣстно, что, во время пищеваренія, органическія силы направляются къ совершенію этого физико-химическаго процесса, и—тѣмъ болѣе, чѣмъ въ большемъ количествѣ употреблена была пища. При этомъ должно замѣтить, что если подобнаго рода кормленіе дитяти повторяется часто, то желудокъ его подвергается постоянному растяженію, а растянутый желудокъ требуетъ потомъ постоянно большаго количества пищи, чрезъ что дитя уже на всю жизнь становится лѣнивымъ. Вотъ почему домашнее воспитаніе въ семействахъ достаточныхъ классовъ, напр. у купцовъ, часто создаетъ положительныхъ лѣнтяевъ.

Что касается психическихъ причинъ дѣтской лѣни, то назовемъ между ними шалости, а также подавленіе въ дѣтяхъ матерями и гувернатками порывовъ къ ихъ самостоятельной дѣятельности, безпрерывное занятіе ихъ разными забавами и развлеченіями и недозволенія имъ повременнаго уединенія, необходимаго какъ и взрослымъ, для того, чтобы вырабатывалась въ нихъ самостоятельная дѣятельность, которой уже нельзя пробудить въ нихъ съ ихъ дальнѣйшимъ возрастомъ.

Такъ какъ чрезмѣрный умственный или физическій трудъ вредно дѣйствуетъ на организмъ человѣка, то всякій трудъ долженъ соразмѣряться съ его силами: однакоже всего лучше для здоровья, если физическій и умственный трудъ соединены вмѣстѣ. Одинъ умственный трудъ сильно развиваетъ преимущественно нервную систему и даетъ живучесть тѣлу, вслѣдствіе чего человѣкъ пріобрѣтаетъ способность доживать до глубокой старости, переносить перемѣну климатовъ, дурной воздухъ, недостатокъ пищи и т. д.

И такъ, напрасно именовъ счастья люди называютъ идеалъ ничѣмъ невозмутимаго и безконечнаго блаженства, которое будто возвышаетъ его человѣческое достоинство. Такого счастья нѣтъ на землѣ. Только одинъ трудъ составляетъ доступное и достойное для человѣка счастье на землѣ. Вотъ почему воспитаніе, если оно желаетъ человѣку истиннаго счастья, должно готовить его къ трудностямъ

жизни и развивать въ немъ привычку и любовь къ труду, такъ чтобы потомъ онъ самъ могъ отыскивать его себѣ. Поэтому дурно поступаетъ тотъ отецъ, который всю жизнь свою трудится, бьется изъ всѣхъ силъ, для того только, чтобъ избавить дѣтей своихъ отъ необходимости самимъ трудиться, и, оставляя обезпеченное состояніе, не оставляетъ имъ дѣльнаго воспитанія—необходимѣйшаго условія къ отысканію труда. Этимъ онъ губитъ умственные и физическія силы дѣтей своихъ, и дѣлаетъ ихъ положительно несчастными, потому что, чрезъ это, не только ихъ нравственность разрушается, но и жизнь сокращается. Экклезиастъ объ этомъ говоритъ такъ: *„есть недугъ, его же видѣть подъ солнцемъ, богатство хранимо отъ стяжателя въ зло ему (Еккл. 5, 12)“*. И, дѣйствительно, богатые смотрятъ на все сквозь золотую призму; а золото плохо пропускаетъ лучи свѣта: черезъ него съ дѣйствительною жизнію не познакомишься, дѣйствительныхъ нуждъ не узнаешь и любви къ труду не пріобрѣтешь».

Самоубійство. Оно прямо противоположно стремленію къ жизни. Хотя, по врожденному чувству самосохраненія, человѣкъ любитъ жизнь; но, подъ влияніемъ особеннаго настроенія ума, иногда онъ рѣшается на самоубійство. Въ особенности взглядъ на жизнь и вѣра вызываетъ въ человѣкѣ рѣшимость эту. Первые самоубійства совершены были на востокѣ, гдѣ сначала господствовало ученіе пантеистовъ, что «Богъ есть душа міра, а все вещественное—тѣло божества», и гдѣ оно потомъ выразилось особенно вредными послѣдствіями въ ученіи буддистовъ, что «весь міръ обладаетъ одною общею душою, которая ничего не желаетъ и не требуетъ никакого отчета въ дурныхъ или добрыхъ дѣлахъ людей, а люди суть только частицы этой души, сливающіяся съ нею послѣ смерти». Само собою разумѣется, что, при подобномъ возрѣніи на жизнь, ничто не могло мѣшать самоубійству, которое тѣмъ болѣе естественно было, что, по этому ученію, «смерть» восстанавливаетъ первобытное благоденствіе души». Такого рода убѣжденія господствуютъ и нынѣ въ Китаѣ, Японіи и Индіи, гдѣ, поэтому, самоубійство считается похвальнымъ дѣломъ. Въ силу этихъ-то убѣжденій, въ Японіи бросаются въ море или, просверливъ плавающее судно, медленно погибаютъ въ волнахъ его, или же, запершись въ пещерѣ, спокойно умираютъ отъ голода. Въ Индіи вдовы сжигаютъ себя вмѣстѣ съ трупами мужей своихъ. Въ Египтѣ даже существовала академія, куда собирались желавшіе лишиться себя жизни. Въ древности и въ Европѣ лишались жизни по тремъ слѣдующимъ причинамъ: 1) чтобы избавиться отъ тѣлеснаго и душевнаго страданія; 2) чтобы сохранить честь свою и 3) по подражанію другимъ. Самоубійство для спасенія отъ тѣлесныхъ и душевныхъ страданій зависѣло отъ то-

го, что древніе смотрѣли на смерть, какъ на сонъ или на вѣрный путь въ рай.

Примѣры самоубійства, изъ желанія сохранить честь свою, многочисленны. Такъ, жена Асдрубала, предводителя Кареагенянъ, вмѣстѣ съ войскомъ сожгла себя въ храмѣ, когда Асдрубаль, покинувъ свой постъ, убѣжалъ къ Сципіону. Никокль, король Паѳоса на Кипрѣ, умертвилъ себя вмѣстѣ съ женою и дочерью, при вѣсти о приближеніи Птоломея. Аѳинскій ораторъ Исократъ лишилъ себя жизни, дабы избавиться отъ владычества надъ нимъ Филиппа Македонскаго. Демосѳенъ отравился, изъ опасенія подвергнуться рабству и безчестию у Александра. Ганнибаль подъ старость отравился, вслѣдствіе преслѣдованій. Митридатъ отравилъ себя, женъ и дочерей своихъ, чтобы не попасться въ плѣнъ къ Помпею. Катонъ добровольно умеръ, не желая жить по милости Кесаря—врага его не только въ общественной, но и въ семейной жизни. Харондъ греческій умертвилъ себя за то, что постановилъ законъ собираться въ сенатъ безъ оружія, потомъ самъ, поторопившись, вошелъ въ собраніе съ мечемъ. Ликургъ, дабы принудить соотечественниковъ своихъ не измѣнять клятвѣ, по которой обѣщались они покоряться имъ написаннымъ законамъ, до его возвращенія, самъ лишилъ себя жизни. Фемистокль отравился, чтобы не вести Персовъ противъ своихъ соотечественниковъ. Брутъ и Кассій, побѣжденные Кесаремъ, не захотѣли больше жить и добровольно лишили себя жизни. Антоній, побѣжденный Кесаремъ, приказалъ слугѣ убить себя, а Клеопатра, не желая быть плѣнницею Кесаря, дала зми укунуть себя въ грудь и умерла на золотомъ ложѣ въ богато-украшенномъ драгоценными камнями платьѣ. Сарданапаль, предвидѣвшій свое скорое сверженіе съ престола, заблаговременно сжегъ себя вмѣстѣ со своимъ дворцомъ, съ женами, наложницами и со всѣмъ своимъ богатствомъ.

Столь многочисленные и оригинальные случаи самоубійства, въ древности, во избѣжаніе безчестія и позора, были печальными послѣдствіями ученія философовъ. Такъ, стоики, послѣдователи Зенона, развили во многихъ равнодушіе къ жизни, когда утверждали, что «мудрый стоикъ долженъ всегда умереть за свое отечество или друзей и смерть не считать несчастіемъ». «Мудрецъ», говоритъ Діогенъ Лаэртій въ біографіи Зенона, «желаетъ смерти, когда онъ подверженъ жестокимъ страданіямъ, лишень какихъ-либо чувствъ, или мучится неизлечимою болѣзнію». Болѣе другихъ Сенека защищаетъ самоубійство: «если вамъ нравится жизнь», говоритъ онъ, «живите, а если надоѣла, идите туда, откуда пришли. Чтобы лишить себя жизни, не нужно обширныхъ ранъ, можно умереть отъ одного прокола. Вы говорите, что тягостна необходимость жизни, но этой необходимости вовсе не существуетъ. Благодаря богамъ, никого нельзя за-

ставить жить». А между тѣмъ самъ Сенека струсилъ и совершенно потерялъ духъ, въ минуту испытанія, когда изгнали его изъ Рима за происки: онъ сказалъ, что преклонныя лѣта чрезвычайно привязаннаго къ нему отца удерживаютъ его отъ покушенія на жизнь. Эпиктетъ философъ (стоикъ) и знаменитый ораторъ Цицеронъ также говорили въ пользу самоубійства: во время своего изгнанія, Цицеронъ хотѣлъ лишить себя жизни, но не могъ исполнить этого по робости и нерѣшимости. Наконецъ, Плиій старшій принадлежитъ къ подобнаго рода защитникамъ. Въ главѣ «о Богѣ» онъ говоритъ: «при всѣхъ недостаткахъ, человѣку предоставлено то преимущество, что божество неимѣетъ надъ нимъ никакой власти. Такимъ образомъ онъ можетъ лишить себя жизни, когда ему угодно. Это—величайшая милость, которая дана человѣку, подверженному въ жизни различнымъ несчастіямъ».

Затѣмъ наступаетъ время, когда мнѣнія о самоубійствѣ измѣняются. Такъ, Плиій младшій, оплакивая смерть друга своего Корнелія—Руфа, лишившаго себя жизни, говоритъ: «онъ умеръ—умеръ отъ собственныхъ рукъ, и—это увеличиваетъ мое горе, потому что смерть, которая не зависитъ отъ природы или отъ случая, самая плачевная». По рѣшеніямъ Юстиніана «имущество самоубійцы отбирается въ пользу казны». Во время римской республики, когда народъ проникся уваженіемъ къ богамъ и считалъ ихъ своими руководителями, самоубійство случалось рѣдко. Оивскіе законы лишали самоубійцъ посмертныхъ почестей. По Аѳинскимъ законамъ, руки у самоубійцъ отсѣкались и хоронились отдѣльно отъ тѣла, какъ враги послѣдняго. Греки тѣла самоубійцы не сожигали, но закапывали, чтобы не запятнать огня, который они считали благородною стихіею; у нихъ самоубійца почитался врагомъ общества, измѣнникомъ и заговорщикомъ противъ отечества, а потому онъ распинался за живо. Но въ особенности христіанство, убѣждало, что «одинъ Богъ важенъ въ жизни и смерти человѣка», и тѣмъ значительно уменьшило число покушеній на собственную жизнь. Однако же, въ первыя столѣтія, послѣ рождества Христова, пока христіанство не стало господствующимъ въ мірѣ, склонность къ самоубійству не была искоренена совершенно, такъ какъ христіанство распространялось не очень быстро. Независимо отъ ученія стоиковъ, самовластіе правителей и гражданскія войны, въ то время, были источникомъ печали, унынія и отчаянія, побуждавшихъ людей къ самоубійству. Во времена же Сенеки, склонность къ самоубійству свирѣпствовала эпидемически: люди чувствовали, по видимому, не преодолимое желаніе умереть.

Когда римская имперія подпала подъ власть германовъ,—христіанство боролось съ многими предрасудками. Напримѣръ: можетъ ли быть что выше, такого фанатизма, когда германскія жен-

щины, взятыя римлянами въ плѣнъ, задушивъ своихъ дѣтей, затѣмъ лишили и себя жизни? Когда датскіе воины убивали себя потому, что считали постыднымъ умереть въ постелѣ отъ старости или отъ болѣзней? Когда король Гельго закололся мечемъ и Гадингъ повѣсился, не желая пережить шведскаго короля Гундинга, утопившагося въ бочкѣ воды, при ложной вѣсти о смерти своего пріятеля? Когда Стархатеръ, состарѣвшись, велѣлъ убить себя, опасаясь потерять въ недѣтельной драхлости пріобрѣтенную имъ воинскую славу? — А Готы, франки, веныды, геруны, бруссианцы, серры и троглокиды, доживъ до старости, часто убивали себя?.....

Только по мѣрѣ распространенія христіанства, самоубійства сдѣлались рѣже. Въ четвертомъ и пятомъ столѣтіяхъ, св. Августинъ, возражая противъ защитниковъ самоубійства, представилъ убедительные доводы и обратилъ вниманіе христіанъ на это гнусное преступленіе. Вскорѣ соборы опредѣлили наказаніе за покушеніе на собственную жизнь, чтобы предупредить его. Съ тѣхъ поръ случаи самоубійства, хотя и не прекратились, тѣмъ не менѣе, однако же, стали встрѣчаться рѣже.

Такъ какъ самоубійство, и въ 4 вѣкѣ, не прекращалось, то св. Іоаннъ Златоустъ, опредѣляя причину его, превосходно подмѣтилъ и описалъ, что болѣзненное беспокойство и глубокая грусть, которыми томились его современники посреди самыхъ шумныхъ удовольствій, были главнѣйшими побужденіями къ самоубійству, дабы избавиться отъ мучительныхъ страданій.

Въ X столѣтіи Робертъ I Норманскій, прозванный дьяволомъ, лишилъ себя жизни, написавъ сочиненіе въ защиту самоубійства, утверждая, что никакія законы не воспрепятствуютъ челоуѣку лишить себя жизни. По его мнѣнію, «любовь къ жизни зависитъ отъ счастья, а тѣло наше есть не что иное, какъ орудіе или ничтожная машина, сохраненію которой мы не должны придавать большаго значенія. Если душа челоуѣческая умираетъ вмѣстѣ съ тѣломъ, то она страдаетъ отъ самоубійства очень мало: если же душа бессмертна, то лишаться себя жизни очень пріятно. Даръ дѣлается излишнимъ, когда онъ для насъ тягостенъ, и тогда мы можемъ отъ него отказаться. Самовольная смерть иногда составляетъ единственное средство избѣжать болѣе значительныхъ преступленій. Наконецъ, самоубійство извинительно и потому, что примѣры

его мы находимъ почти у всѣхъ народовъ». За такое ученіе Робертъ I Норманскій вполне заслужилъ свое названіе «дьяволъ».

Въ XII и XIII вѣкахъ, вслѣдствіе совершившагося переворота во мнѣніяхъ людей, склонность къ самоубійству возобновилась и распространилась во всѣхъ слояхъ общества.

Въ слѣдующихъ двухъ столѣтіяхъ, склонность къ самоубійству была до того сильна, что отъ него не удерживали ни позоръ, которому подвергали тѣла самоубійцы, ни страхъ вѣчныхъ мученій, проповѣдуемыхъ Евангелиемъ. Такъ, Марія Корнель, лишившись отца и разлучившись съ мужемъ, по приказанію Петра жестокаго (1353), лишила себя жизни изъ опасенія, что она не въ силахъ будетъ противиться искушеніямъ юности — причина безразсудная! А между тѣмъ іезуитъ Маріана восклицаетъ: «эта женщина достойна лучшаго вѣка! Она представляетъ замѣчательный примѣръ цѣломудрія». Но, впрочемъ, малоли что оправдывалось и оправдывается іезуитами? Мало ли у нихъ безстыдныхъ дѣлъ считается законными? — Исторія полна краснорѣчивыми примѣрами.

Подъ конецъ XV столѣтія, въ Страсбургѣ и Мецѣ совершались разныя самоубійства. Въ Страсбургѣ повѣсился даже одинъ католическій епископъ, а въ Мецѣ одинъ рыцарь повѣсился изъ любви. Полагаютъ, что и Карлъ XII уморилъ себя голодомъ.

Въ XVI столѣтіи, самоубійство открыто защищалось нѣкоторыми писателями, хотя церковныя и гражданскія законы этотъ гнусный порокъ немолимо преслѣдовали: но когда Реформація сильно потрясла вѣру среднихъ вѣковъ, тогда породились въ умахъ самонадѣянность и высокомеріе, а съ тѣмъ вмѣстѣ и число самоубійствъ увеличилось до неимовѣрности. Даже лица высокаго ума защищали самоубійство. Таковы были въ Англіи и во Франціи Гумъ, Моръ, Ж. Доннъ, Монтескье, Вольтеръ, Руссо и т. д.

(Окончаніе будетъ).

Редакторы: Свящ. **Θ. Миткевичъ.**

Николай Акоронко.

Дозволено цензурою.

Цензоръ Архимандритъ **Анастасій.**

Печатано въ Минской Губернской Типографіи.